

Чтобы помнили

Невзрачная, в черной потертой коленкоровой обложке тетрадь с пожелтевшими от времени, потрёпанными, частично выпадающими листами... Абсолютно точно, что это не великое произведение искусства, поражающее неземной красотой и изысканностью... Но это **уникальный исторический документ**, созданный в самое трагичное для нашего города время. Время, когда решался вопрос о самом существовании Ленинграда как населённого пункта, как отметки на географической карте мира, когда стоял извечный вопрос: быть или не быть, жизнь или смерть.

История блокады Ленинграда, казалось бы, изучена вдоль и поперёк. Изданы сотни монографий, тысячи историко-литературных произведений, множество воспоминаний. Но всё равно в этой сложной и неоднозначной теме остаётся больше вопросов, чем ответов.

Если в советское время описание битвы за Ленинград и блокады — это, прежде всего, мужество, героизм, негибимость, сила духа защитников и жителей осажденного города, то в последние десятилетия появляются издания, в которых все больше делается акцент на то, что блокада, в первую очередь, — это величайшая человеческая трагедия. И в условиях, казалось бы, безвыходного положения, люди не все одинаковы и ведут себя по-разному. Черно-белая палитра официальных публикаций о блокаде стала раскрашиваться самыми разными (и не всегда светлыми) красками воспоминаний участников тех событий — военнотружущих и горожан.

Воспоминания — важнейший исторический источник, но к ним надо относиться крайне осторожно. Человек, пишущий воспоминания, так или иначе переосмысливает прожитое, свою роль в этих событиях. О чём-то умалчивает, что-то приуменьшает, что-то преувеличивает, а что-то и «приукрашивает». Оценка событий по прошествии времени может кардинально поменяться. Некоторые события — в памяти человека — могут сместиться во времени. Мне встречались воспоминания, в которых очевидец пробирался среди

сугробов и трупов, прячась от снарядов и бомб, на премьеру 7-й Ленинградской симфонии Д. Д. Шостаковича, хотя на самом деле премьеры в Ленинграде состоялась 9 августа 1942 года, и ни обстрелов, ни бомбёжек города в этот день удалось не допустить.

В ряду изданий о блокаде, особое — и, к сожалению, весьма незначительное по количеству, но не по значимости — место занимают дневники непосредственных участников тех событий. Подавляющее количество известных на данный момент дневников — это дневники горожан, мирных жителей и крайне мало известно дневников военнослужащих. Связано это с тем, что их ведение в боевых условиях не то что не поощрялось, а даже часто запрещалось. В условиях военного времени солдат или офицер, постоянно делающий какие-либо записи, непременно вызвал бы подозрения среди сослуживцев и в лучшем случае имел бы воспитательную беседу после изъятия и тщательного изучения дневника «особистами». Поэтому для историков находка каждого нового дневника военнослужащего — значительное событие.

На момент создания дневника Борису Корсакову было всего 23 года. Надо сказать, что он догадывался об опасности вести записи, и в тексте прослеживается мысль о необходимости более тщательно скрывать дневник от взглядов сослуживцев, тем более что характеристики некоторых из них весьма нелицеприятны. Помимо этого, автор даёт достаточно резкие оценки своему непосредственному командованию, выражает сомнения в правильности ведения ими дел. В тексте достаточно технических подробностей, которые в то время вполне могли расценить как «разглашение сведений, содержащих военную тайну». Говоря откровенно, всё написанное в дневнике, «тянуло», по законам военного времени, даже на «высшую меру». Многие дневники мирных жителей Ленинграда, хранящиеся в архиве «Большого дома» (авторы которых были расстреляны) не содержали и десятой доли «антисоветчины», «военных тайн», которые имеются в дневнике Б. Корсакова.

Дневник гвардии техника-лейтенанта Бориса Ефимовича Корсакова — настоящий кладёз исторических фактов, бытовых описаний. Сведения, изложенные в нём, будут интересны не только военным историкам, но и медикам, психологам, экономистам, любителям авиатехники, всем, кто не равнодушен к прошлому нашей Родины.

Автор дневника хорошо образован. Грамотности, умению выражать свои мысли могли бы поучиться у него многие наши молодые современники, уровень образования, интересов и суждений кото-

рых, к величайшему сожалению, крайне примитивен. Автор молод, и многие суждения его достаточно категоричны. Он честен перед собой и описывает то, что происходит вокруг него, не используя, как сегодня принято, «толерантные» выражения. Многие документы того времени доходят до нас с грифом «проверено военной цензурой», кроме того, у людей постарше наверняка бы сработала «самоцензура». Но тем и интересен дневник Б. Корсакова, что он честно описывает всё, что происходит вокруг него и с ним самим, анализируя даже состояние организма и его реакцию на сложившиеся условия жизни.

Почти во всех дневниках блокадного времени, за редчайшим исключением, большое внимание уделяется самому насущному вопросу — пище (её количеству, качеству, составу). Не является исключением и дневник Б. Корсакова, в котором автор скрупулёзно описывает день за днём где, в каком количестве и какого качества он получал пищевое довольствие.

Наверное, все знают о печально знаменитой блокадной норме 125 граммов хлеба в день для детей, иждивенцев и служащих и 250 граммов для рабочих. (В одном из воспоминаний автор даже пишет: «Я получала 125 граммов хлеба всю блокаду»). На самом деле эта минимальная норма выдачи хлеба действовала с 22 ноября по 25 декабря 1941 года, а потом стала понемногу повышаться. Но, именно этот период характеризуется массовой смертностью и долговременными катастрофическими изменениями в организмах людей: после войны алиментарную дистрофию стали называть «ленинградской болезнью»). Однако мало кто знает, кроме специалистов, какое количество продовольствия в день получали военнослужащие. Этот вопрос подробно раскрывается в дневнике. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что это не абсолютная истина для всех родов войск и всех фронтов.

Надо сразу сказать, что продовольственные нормы для военнослужащих были выше, чем для гражданского населения. Но из дневника видно, какую физически тяжелую работу в экстремальных условиях приходилось выполнять Б. Корсакову. Молодому организму при такой активной работе питания катастрофически не хватает. И очень драматичны моменты, когда автор пытается сам себя уговорить не напрягаться, не суетиться, жить как все: экономить силы. Но у него это не получается — добросовестное и ответственное исполнение обязанностей не позволяет такой роскоши.

Несмотря на то, что в дневнике основное внимание уделяется

описанию службы и быта на территории части, автор имеет возможность передвигаться по городу, видеть все ужасы блокады, и он понимает, что положение мирного населения гораздо хуже. В воспоминаниях автор честно признаёт: «В блокадной жизни мы не участвовали, но наблюдали».

Бытует устоявшийся штамп: «Население получало продовольствие по карточкам». На самом деле это не совсем верно. Товарно-денежные отношения во время войны никто не отменял: население не получало, а выкупало положенные по карточкам продукты питания.

В дневнике затрагивается ещё малоизученная и почти неизвестная широкой общественности тема; сколько стоили продукты в блокадном Ленинграде? Автор часто приводит цену того или иного продукта, купленного на «чёрном» рынке. Но, не зная уровень заработной платы у населения, размер денежного довольствия у военнослужащих, цен в государственных магазинах и на «чёрных» рынках, нельзя сделать выводы о том, насколько это дорого или дёшево.

Попробуем вкратце прояснить этот вопрос.

По нормам денежного довольствия военнослужащих на период боевых действий, оклад Б. Корсакова должен был составлять 700–750 рублей в месяц. Кроме того, существовали поощрения: «За быстрый и качественный восстановительный ремонт личный состав походных авиаремонтных мастерских премировался денежной наградой в размере 500 рублей за каждый восстановленный самолёт» и «Тех. состав, обслуживающий самолёты, получал денежную награду в размере 3000 рублей при условии безотказной работы мат. части и при отсутствии её невыходов в полёт за каждые 100 самолёто-вылетов». (из Приказа Верховного Главнокомандующего «О порядке вознаграждения лётного состава Военно-Воздушных сил Красной Армии за хорошую боевую работу и мерах борьбы со скрытым дезертирством среди отдельных лётчиков» № 0299 от 19 августа 1941 года). В своей автобиографии 1943 года автор пишет: «Участвовал в польской компании 1939 г., в финской войне, участвую в Отечественной войне с 1941 г., с 22 июня. Обслужил около 500 боевых вылетов».

Для сравнения: солдат получал 15 рублей, майор — 1100, генерал-майор — 2500, в то время как оклады гражданских служащих были примерно такие: дворник — 150–180 рублей, секретарь-машинистка — 250–300, учитель — 350–400, водитель грузовой машины — 450–500, инженер мог получать от 450 до 700 рублей.

Надо сказать, что в Советском Союзе служба в Вооружённых силах считалась престижной и оплачивалась в среднем выше, чем получали представители гражданских профессий. Кроме того, военнослужащие получали вещевое и продовольственное довольствие. То есть, за обеды в столовой части автору не приходилось платить. Офицер вполне мог содержать семью (если она была) и помогать родителям. Автор отсылал часть своего денежного довольствия родителям, о чём и упоминает в дневнике: «Родители... получили аттестат».

Для того, чтобы можно было сравнить, перечислю цены на продукты питания в то время: килограмм ржаного хлеба в магазине стоил 1 рубль 20 копеек (исходя из этого, можно посчитать, стоимость 125 граммов хлеба), в магазинах «Военторга» хлеб стоил дешевле — 1 рубль. Проезд в трамвае составлял 15 копеек, газета «Ленинградская правда» стоила 15 копеек. Надо сказать, что цены в государственных магазинах и магазинах системы «Военторга» были фиксированными и значительно не изменялись во время войны. Мыло стоило 1,20–1,30 рубля, папиросы «Казбек» — 3,15 (едва ли не самые дорогие), водка (50 градусов, 0,5 литра) — 11,40, конфеты шоколадные — 20, колбаса «Краковская» — 17,50.

Исходя из приведённых цифр, можно сделать выводы о том, насколько высокими были цены на «чёрном» рынке, которые приводит автор в своём дневнике. И что уж говорить о покупательной способности населения, если даже для военнослужащего эти цены были высоки. Во многих дневниках и воспоминаниях прослеживается мысль, что деньги обесценились: на них можно было что-то купить по карточкам в магазинах, а больше ничего в учреждениях государственной торговли не было. На «чёрном» рынке пользовался популярностью натуральный обмен: продукты меняли на драгоценности, антиквариат и т. д.

Дневник интересен ещё и тем, что, помимо подробного описания жизни в осаждённом Ленинграде, даёт возможность узнать и сравнить условия жизни на Большой земле, где тоже было не сладко, но эти условия не шли ни в какое сравнение с ужасами блокады. Здесь уже можно было купить молоко и другие продукты, автор имел возможность, помимо положенного питания, покупать за очень небольшие деньги дополнительные порции. Б. Корсаков и здесь приводит цены, сравнивает их с ленинградскими, особенный шок у него вызывает коза на рынке стоимостью 4500 рублей. Постепенно улучшенное питание и силы молодого организма дела-

ют своё дело — у автора возрождается интерес к полноценной жизни. И в этой жизни уже есть возможность и, главное, желание посещать кинотеатры, лекции, библиотеки, танцы...

Надо сказать, что почерк автора не каллиграфический, кроме того, часть дневника написана карандашом, и карандашные записи частично стёрлись и трудночитаемы. Часть слов и даже предложений не удалось прочитать или расшифровать, и такие места помечены символом «****». Создатели книги постарались сохранить особенности орфографии и правописания, которые использовались автором и были приняты в то время.

Безумно жаль, что до нашего времени сохранилась всего лишь одна тетрадь. Ведь трудно предположить, что автор вёл дневник только в этот период своей жизни и больше ничего не написал. По словам дочери, Ирины Борисовны Корсаковой, он начал делать записи в дневнике ещё во время советско-финской войны.

В данной книге, помимо самого дневника, приведены две автобиографии Б. Е. Корсакова: одна написана в марте 1943 года, а вторая — по настоянию дочери — в феврале 2005 года. И это уже даже не автобиография в узком понимании данного слова, а, скорее, история семьи, рассуждения о жизни умудрённого человека — преподавателя, учёного.

Кроме того, здесь приведён рассказ о судьбах четырёх друзей, окончивших школу в городе Вытегре Вологодской области. Они прожили трудную, насыщенную жизнь, в которой многого добились. Пройдя через все испытания, четверо обычных деревенских друзей-мальчишек из глубинки, дети крестьян, конюхов и прачек «выбились в большие люди», стали преподавателями, ректорами, профессорами сложных технических вузов и, несмотря на то, что жизнь их раскидала не то, что по разным городам, а по разным странам, пронесли настоящую, крепкую мужскую дружбу.

Мы живём в странное время, когда тиражом в 11 миллионов экземпляров выходят «труды» изменника Родины Резуна (цинично взявшего псевдоним Виктор Суворов), когда в библиотеках и книжных магазинах легче найти изданные большими тиражами дневники и воспоминания солдат и офицеров Вермахта, чем длинные свидетельства наших бойцов — в современной «рыночной» жизни это «неперспективные коммерческие проекты». Мне известно немало случаев, когда блокадники на свою «повышенную» пенсию сами издавали свои воспоминания о жизни в осаждённом

Ленинграде мизерными тиражами в 100 экземпляров. Неудивительно, что эта живая правда почти не доходит до широкой публики и доступна лишь специалистам. Зато целенаправленно вбивается в голову мысль, что немецкие солдаты не виноваты, они лишь выполняли приказ... Даже иногда хочется пожалеть их, несчастных. Но мы должны знать и помнить, что творили в своём счастливом неведении эти «белокурые бестии» на нашей земле. Помнить, что победили эту первоклассную армию, несмотря на все невзгоды, не мифические русские богатыри, а простые воины, добросовестно и с достоинством несшие свою службу, такие как Борис Корсаков.

Выражаем благодарность за предоставленные фотоматериалы из семейных архивов Яковлевой Екатерине Михайловне, Лантратовой Наталии Михайловне и Владимиру Михайловичу и Кузнецову Александру Васильевичу.

За неоценимую помощь в создании научного комментария и аннотаций к авиационно-технической терминологии выражаем искреннюю благодарность историку военной авиации, преподавателю, руководителю реставрационных мастерских Санкт-Петербургского университета гражданской авиации Михаилу Филипповичу Кужиму.

Низкий поклон Ирине Борисовне Корсаковой за бесценный дар фондам Государственного мемориального музея обороны и блокады Ленинграда — комплекс документов военного времени отца — Бориса Ефимовича Корсакова — и за огромную помощь в издании данной книги.

*Заведующий
Научно-выставочным отделом
Государственного мемориального музея
обороны и блокады Ленинграда
Д.Г. Сотчихин*